

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА

В небольшом уютном дворике по переулку 1905 года, № 20, в центре Томска стоит дом – ничем не примечательное деревянное строение, каких в городе тысячи. И люди жили в этом доме обыкновенные, ничем не отличающиеся от жильцов соседних домов. Как сложилась их судьба в известные 1937-38 годы, рассказывает бывшая жительница этого дома Рахиль Соломоновна Бриккер. – Сама я коренная томичка, родилась и выросла в этом доме. Точнее сказать, под номером 20 значилось три деревянных строения по 4 квартиры в каждом, на две квартиры разгорожены. Всего, значит, было 14 квартир. Сейчас одно здание снесли. Все жильцы между собой жили дружно, помогая друг другу по соседски. Никакой вражды, тем более национальной, между соседями не было. Все жили скромно и без излишеств. Многие держали в своих маленьких сараюшках свиней, кур, а мы держали корову. С того и жили... Папа, Соломон Абрамович Бриккер, работал парикмахером, мама домохозяйничала, два моих брата учились в школе, а я еще только в школу собиралась - 7 лет всего исполнилось...

В 37-м году у нас среди соседей пошли разговоры, что в городе много стали сажать людей. Я, конечно, не понимала тогда истинного смысла слова «сажать» и только несколько позже узнала, что это означает, когда стали арестовывать людей из нашего дома. Сейчас я уже не помню, кто был арестован первым, многие обстоятельства и имена уже забылись, но кто в какой квартире жил, помню хорошо. Начну по порядку.

Квартира 1. В этой квартире жила пожилая пара по фамилии Фроловы. У них были дочь и сын, но они были старше нас... В 37-м году арестовали их отца.

Квартира 2. Здесь жили две семьи: молодой 27-летний бухгалтер Александр Иванович Истраткин со своей женой и их квартиранты, муж с женой по фамилии Мордухович. Так вот в одну из ночей 37-го года Александр Иванович Истраткин и его квартирант были арестованы работниками НКВД, и больше их никто не видел. Жену Истраткина выселили из квартиры в маленькую темную комнатенку напротив. В их же квартиру сразу же заселился какой-то важный чин из НКВД по фамилии Золотухин. Он перед войной из города уехал, жена же Истраткина до сих пор живет одиноко в той маленькой комнатенке, в последние годы почти слепая...

Квартира 3. В этой квартире жила семья по фамилии Пантелиади из них никого не арестовали.

Квартира 4. В ней жили муж и жена преклонного возраста по фамилии Козловы. У нас во дворе говорили, что старик Козлов когда-то был священником. Его и забрали.

Квартира 5. В этой квартире жила семья Грачевых. Отец и сын работали на железной дороге. Сын был еще молод и не женат. Их, кажется, обоих на работе арестовали, отца и сына...

Квартира 6. Проживала в ней семья Архипова Севостьяна, маляра, работавшего в институте железнодорожного транспорта. Он тоже попал в застенки НКВД, а один из его сыновей впоследствии погиб на фронте.

Квартира 7. Фамилию жильца не помню, но знаю, что хозяин работал сапожником. Из этой квартиры никого не тронули.

Квартира 8. В ней жил портной по фамилии Нестеркин. Его арестовали, а жену выселили, и больше о них я ничего не знаю.

Квартира 9. Эту квартиру занимала семья Федюниных. С их сыном

Гошей я часто играла во дворе. С ним жил отчим Гоши по фамилии Ключев. Работал он каким-то прорабом на стройке, всегда ходил в галифе и гимнастерке. Тоже арестовали...

Квартира 10. Здесь жила семья Муковозова Виктора, отчество не помню. Работал он грузчиком на железной дороге. Помню, что его арестовали в нашем доме последним. Его дочь, Маргарита Викторовна, делая запрос о судьбе отца, получила ответ, что он умер в лагере города Кемерово.

Квартира 11. В ней жили мы. Как рассказывала моя мама, 28 октября 37-го года к нам прибежала соседка, работавшая вместе с нашим отцом в парикмахерской, и сообщила, что за нашим отцом прямо на работу приходили из органов... Мама пыталась узнать, за что нашего отца арестовали, ходила по разным кабинетам. Помню, пошли мы с ней к зданию на Ленина, 44, где находилось НКВД. Долго ждали ответа среди толпы таких же, как мы, женщин и детей. В конце дня все же на ступеньки вышел военный и стал зачитывать фамилии и всем: «10 лет без права переписки». И про нашего отца то же ответил. Уже после войны на запросы нам сообщили, что отец умер в 44-м году от язвы желудка в Томске.

Я, конечно, не верила этому, так как отец наш в этом случае всегда бы сумел нам передать записку. В 1989 году еще раз написала запрос, на который мне ответили, что Бриккер Соломон Абрамович 5 декабря 1937 года был осужден «тройкой» УНКВД Новосибирской области за контрреволюционную деятельность к высшей мере наказания и 15 декабря 37-го года расстрелян. Реабилитирован 30 июля 1959 года Томским областным судом...

Квартира 12. В этой квартире проживал Григорий Мордухович, брат квартиранта из второй квартиры. Работал он на заводе «Металлист» в отделе снабжения. Сын Владимир учился в мединституте, а жена работала медсестрой. С ними жила также теща Мордуховича и маленькая собачка по кличке Тузик. После ареста хозяина квартиры его семью выселили в худшую квартиру по Большой Подгорной. Их же старая квартира долгое время была пустой, а потом в нее въехал домоуправ.

Квартира 13. В этой квартире жил одинокий молодой мужчина, и его не арестовали.

Квартира 14. Здесь проживали Парамоновы. Когда начались в нашем доме аресты, глава семьи срочно уехал, может, прятался. Но потом вернулся, в спешном порядке забрал семью и куда-то из города уехал.

Вот и все наши жильцы. Выходит, что из 14 квартир только в четырех никого не тронули, среди остальных оказались «враги народа». Насколько я знаю, из 12 человек, арестованных в нашем доме в 37-м году, никто не вернулся. Где они погибли и за какие «грехи», и сейчас доподлинно неизвестно их родным.

В годы войны из нашего дома также уходили на фронт. Не вернулись трое... Вот и посудите сами, какая война была страшнее.

В. Ханевич «Томский вестник». 12.07.1991.